

12+

Андрей Пожидаев

**Ульяна
в Калуге**

Андрей Пожидаев

Ульяна в Калуге

«Издательские решения»

Пожидаев А.

Ульяна в Калуге / А. Пожидаев — «Издательские решения»,

«Задание от мёртвого человека» — история о неожиданном наследстве, которое становится ключом к разгадке семейной тайны. Ульяна приезжает в Калугу по приглашению нотариуса: ей досталось наследство от дяди Ильи — дом в деревне Кривцово и всё, что в нём находится. Вместе с документами она получает загадочное письмо от покойного родственника: в нём указание подняться на чердак и найти жестяную коробку под левым стропилом.

© Пожидаев А.

© Издательские решения

Ульяна в Калуге

Андрей Пожидаев

© Андрей Пожидаев, 2026

ISBN 978-5-0070-1833-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Калуга встретила Ульяну мелким дождём и запахом прелых листьев. Она вышла с автобуса на площади, подхватила сумку и на минуту остановилась посреди тротуара, глядя на старые купеческие дома, которые стояли здесь, кажется, ещё до её рождения и намеревались простоять после смерти.

Три года. Три года она не приезжала сюда, и теперь город смотрел на неё с тем же спокойным безразличием, с каким смотрят на всех вернувшихся.

Она достала из кармана куртки сложенный вчетверо листок — адрес, написанный чужим почерком, — и снова прочитала его, хотя давно выучила наизусть. Улица Достоевского, дом семь. Нотариус Громов.

Где-то там, в этом кабинете с наверняка пыльными шкапами, её ждало наследство человека, которого она никогда не видела.

Дядя Илья. Так называла его мать — «дядя Илья — когда всё же произносила его имя, что случалось редко и всегда как бы нехотя, словно это был долг, который тяготит, а не разговор. Больше Ульяна о нём ничего не знала. Ни фотографии, ни истории, ни даже внятного объяснения, почему он существовал где-то на краю семьи, но не внутри неё.

И вот теперь — наследство.

Она убрала листок в карман и пошла вдоль улицы, держась поближе к стенам домов, чтобы не попадать под струи с козырьков. Дождь не усиливался, но и не собирался заканчиваться — просто висел в воздухе, как старая обида, которую уже никто не помнит, но и не отпускает.

Нотариальная контора оказалась в полуподвале — спуститься на шесть ступеней вниз, толкнуть тяжёлую дверь с медной ручкой, потемневшей от прикосновений. Внутри пахло бумагой и батарейным теплом. За стойкой сидела женщина лет пятидесяти с аккуратно уложенными волосами и смотрела на Ульяну так, будто та была не первой за сегодня и наверняка не последней.

— Мне к Громову, — сказала Ульяна. — По завещанию. Меркулова.

Женщина кивнула без лишних слов, поднялась и скрылась за внутренней дверью. Ульяна осталась стоять, не решаясь сесть на стул у стены — один из тех стульев, которые стоят в казённых учреждениях ровно затем, чтобы напоминать человеку: его здесь не ждали, его лишь терпят.

Из-за двери донёсся негромкий голос, потом тишина.

Потом снова голос — уже громче, словно кто-то переспросил и получил ответ, который его не вполне устроил. Ульяна переступила с ноги на ногу и посмотрела на стену, где висел календарь с видом Оки и цифрой, которую кто-то уже давно должен был поменять.

Женщина вернулась и сделала приглашающий жест рукой — коротко, без улыбки.

Кабинет был именно таким, каким она его представляла: высокие шкафы с папками, настольная лампа с зелёным стеклом, запах чего-то неопределённо старого. Громов оказался невысоким мужчиной с внимательными глазами за очками в тонкой оправе. Он встал, пожал ей руку и указал на стул напротив.

— Присаживайтесь, — сказал он негромко. — Я рад, что вы всё-таки приехали.

В этом «всё-таки» было что-то, что Ульяна предпочла пока не трогать.

Она села, поставила сумку на пол у ног и сняла куртку — не потому что было жарко, а потому что нужно было что-то сделать руками.

— Вы ведь не были знакомы с Ильёй Сергеевичем? — спросил Громов, открывая папку. Голос у него был ровный, привычный к подобным вопросам.

— Нет, — сказала Ульяна. — Я даже не знала, что он жив, пока не получила ваше письмо.

Громов кивнул так, словно это тоже было не первым и не последним.

— Илья Сергеевич Меркулов скончался двадцать третьего сентября. Одиноким жил, завещание составил заранее, без спешки. — Он помолчал. — Вам он оставил дом. На Воробьёвской улице, в деревне Кривцово, сорок два километра отсюда. И всё, что в нём находится.

Ульяна смотрела на него, ожидая продолжения. Продолжения не было.

— Это всё? — спросила она.

— Почти, — сказал Громов и слегка прикрыв папку ладонью. — Там ещё письмо. Он просил передать лично.

Он достал конверт — обычный, белый, без каких-либо надписей снаружи — и положил на стол перед ней. Ульяна посмотрела на него, потом на Громова.

— Вы читали? — спросила она.

— Нет, — ответил он. — Не моё дело.

Она взяла конверт. Бумага была плотная, чуть влажная на ощупь — или ей показалось. Заклеен аккуратно, без лишнего. Она не стала вскрывать при Громове — убрала в боковой карман сумки, туда, где лежал телефон, и почувствовала, как конверт слегка согнулся.

— Оформление займёт немного времени, — сказал Громов, снова открывая папку. — Стандартная процедура. Вам нужно будет подписать несколько бумаг сегодня, остальное — через неделю.

— Хорошо, — сказала Ульяна.

За окном — узким, почти подвальным — были видны только ноги прохожих и полоска мокрого асфальта.

Она подписала, где указывал Громов. Он объяснял что-то негромко и без спешки, как объясняют человеку, которого не хотят торопить, но и задерживать нет особого смысла. Ульяна слушала, кивала, ставила подпись — и думала о конверте в кармане сумки, о том, как он слегка согнулся, и о том, что человек, написавший письмо, уже не узнает, прочитала ли она его вообще.

Когда всё было закончено, Громов проводил её до двери кабинета и добавил напоследок, уже в дверях:

— Дом не запущен, насколько я знаю. Илья Сергеевич следил за ним до последнего.

В этом «до последнего» было что-то очень конкретное и очень тихое.

Ульяна поднялась по шести ступеням обратно на улицу. Дождь всё так же висел в воздухе. Она остановилась под козырьком подъезда, достала телефон и нашла на карте Кривцово — маленькую точку к юго-западу, почти у самого края экрана.

Сорок два километра. Можно было взять автобус до Перемышля, а там, наверное, что-нибудь найдётся. Или такси сразу — если здесь вообще берут такси в такую погоду и в такую сторону.

Она убрала телефон и подумала, что надо где-то поесть. С утра был только кофе в дорожном термосе, ещё из Москвы, и он давно закончился.

Кафе нашлось на той же улице, через два дома — небольшое, с запотевшими изнутри окнами и рукописным меню на доске. Ульяна взяла борщ и хлеб, села у окна и только тогда достала конверт.

Он лежал перед ней на столе, пока она ела. Она не торопилась. Думала о том, что письмо писал человек, который знал её имя, знал, кто она такая, — и всё равно был чужим. Это было странное чувство, похожее не на любопытство, а скорее на лёгкое головокружение.

Она отложила ложку и вскрыла конверт.

Внутри оказался один лист, сложенный вдвое. Почерк был мелкий, но разборчивый — такой бывает у людей, которые привыкли писать для себя, а не для других.

«Ульяна, — начиналось письмо без всякого предисловия. — Ты меня не знаешь, и это моя вина, не твоей матери и не твоя. Объяснять здесь не стану — не потому что не хочу, а потому что объяснения ничего не исправят. Дом — твой. Делай с ним что хочешь. Но прежде чем решишь продать или отдать — зайди на чердак. Там, под левым стропилом у слухового окна, лежит жестяная коробка. В ней есть кое-что, что тебе следует увидеть. Не для меня. Для себя».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.